

Эдуард Веркин

ДЕТЕКТИВ
ЛЕТНИЙ

КАПКАН
НА ОБОРОТНЯ

Эдуард Веркин
Капкан на оборотня
Серия «Расследования Феликса
Куропяткина», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184340

Эдуард Веркин. День повелителя пираний: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-27799-5

Аннотация

XXI век. Россия. Деревня Сорняки... Скоро созреют яблоки особого сорта, которые стоят невероятных денег. Но вместо того, чтобы готовиться к сбору урожая, местные жители стремительно покидают деревню: оборотень со вставными железными зубами вышел на охоту. Что за бред, какой оборотень? – задается резонным вопросом Феликс Куропяткин – парень, верящий только в здравый смысл и дедуктивный метод. Расследование идет полным ходом, и подозрения падают на... бабушку лучшей подруги. Но разве такое возможно?!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Эдуард Веркин

Капкан на оборотня

Глава 1

ПОМОЩЬ ШИРОКОГО ПРОФИЛЯ

Жизнь проходит.

Жизнь проходит, грустно думал я, сидя на лавочке напротив увядающей клумбы. До сентября остается неделя. Последняя неделя каникул – самое страшное время в жизни. Начинаешь задумываться о том, что невозвратно закончилось. Что скоро в школу... Это так тяжело. Вспомнить иногда пройденный путь, бросить взгляд назад, в былое...

И вот в момент самых томительных раздумий ровно за правым ухом я услышал знакомый, полный нездорового оптимизма голос.

– Я так и знала, что застану тебя здесь.

Тоска, это была она. Нет, не в смысле, что на меня навалилась новая, очередная и усиленная порция хандры. Нет. Это была Тоска. Моя подружка Антонина.

Тоска появилась неожиданно. А я не чихнул три раза. Наверное, я только дома чихаю.

Вообще, первую минуту я даже не мог ничего ей сказать. Смотрел на нее с глупой улыбкой и чувствовал, как ко мне возвращается вера в жизнь.

– Видел бы ты себя со стороны! – Тоска плюхнулась рядом. – Великий и ужасный Куропяткин страдает на скамеечке в парке! Ожившая классика просто! С государем сделалась ползучая ипохондрия, да?

– Да уж... – невменяемо ответил я. – Ипохондрия...

– Завязывай с грустью! – Тоска толкнула меня локтем в бок. – Ну, давай, приходи в себя, хватит страдать. Потряси головой, это же помогает.

Я потряс головой – это на самом деле помогло.

– Как ты здесь оказалась? – придя в себя, спросил я. – Ты же должна быть в... – я не мог вспомнить названия населенного пункта, где Тоска собиралась провести конец лета. – В населенном пункте N... не помню, короче.

– Я позвонила твоим. Мама сказала, что ты двинул гулять. Гулять ты мог пойти или на реку, или в парк. Я решила начать с парка.

– Понятно...

– Куропяткин, ты это, давай собирайся, я ведь приехала за тобой, – безо всякого перехода сказала Тоска.

– За мной? Зачем за мной? – не понял я.

– Ты что, все мозги отпарил, пока меня не было? Ты забыл, что у нас с тобой дело? Агентство «КиТ»? «Куропяткин и Тоска». Дело есть.

Тоска с удивлением уставилась на меня.

– Нет, конечно, я ничего не забыл, – покачал головой я. – Я даже больше чем не забыл. Смотри.

Я засучил рукав на левой руке.

– Это что? – спросила Тоска как-то напряженно.

– Как что? Не видишь, что ли? Это косатка, он же кит-убийца. Посмотри на его зубы!

Тоска скептически промолчала.

– Понимаешь, – начал рассказывать я. – Лето выдалось каким-то... Скучным.

– Скучным?! А как же пираньи? А как же Элвис?

– Ну да, – согласился я, – ну да, пираньи, ну да, Элвис. Но все равно. Потом ты уехала и я в хандру впал, знаешь ли. Мои в Турцию собирались, но не срослось. Короче, грустно мне стало, ну я и это... Пошел в салон и велел, чтобы мне кита выкололи. Чем я хуже других?

– Ты что, дурак? – спросила Тоска голосом моей мамы.

И я даже понял, что она сейчас скажет. Она скажет: «А если бы другие с девятого этажа стали прыгать, ты бы тоже прыгнул?»

– А если бы все с девятого этажа стали прыгать, ты бы тоже прыгнул? – не подвела меня Тоска.

– Надо быть ближе к народу, – огрызнулся я. – А то некоторым свойственно замыкаться в башне из слоновой кости...

– Мой дядя работает в клинике, они все это удаляют, – Тоска ткнула в моего кита. – Я тебя запишу на прием, пока

она не въелась по-хорошему.

– Тоска, Тоска, – улыбнулся я. – Не думаешь ли ты, что я дошел до того, что стал делать татуировки?

– Я не думаю, я вижу, – Тоска опять ткнула меня пальцем в плечо.

Я плюнул на ладонь и протер свой левый бицепс.

– Набор «Тату для всех», – сообщил я. – Универмаг за углом. Черепа, мертвецы, цепи разные. Вот и кит тоже оказался. Детям от восьми лет.

– А не сходит, – усмехнулась Тоска.

Я взглянул на свою татуировку. Она действительно не сходила. Видимо, краска была водостойкая.

– Плюнь ты, – попросил я Тоску.

– А чем моя слюна отличается?

– Наверняка ядовитая...

Тоска фыркнула, развернулась и двинулась к выходу из парка.

– Так что ты говорила о деле? – крикнул я ей вслед.

Конечно же, она вернулась.

Дело оказалось довольно обычным. Во всяком случае, так мне показалось на первый взгляд.

Надо было оказать помощь широкого профиля. Как всегда. Правда, в качестве нашего клиента на этот раз выступала баба Надя, родная бабушка Тони.

– Ну, что там стряслось? – спросил я у Тоски. – Только не говори, что у твоей бабушки взбесились патиссоны.

– Патиссоны не взбесились. Их бабушка вообще не выращивает, тут другое...

Тоска принялась рассказывать.

Деревня, в которой в августе отдыхала Тоска, располагалась рядом с небольшой речушкой. И деревня и речушка носили общее довольно прозаическое название Сорняки...

– Ну да, – я хлопнул себя по лбу, – точно, Сорняки. У меня же что-то мусорное в голове вертелось...

– У тебя там мусорная карусель, – съязвила Тоска и продолжила свой рассказ.

Деревенские жители очень гордились своим населенным пунктом и ревностно относились к толкованию его имени. Они наотрез отказывались связывать название Сорняки с растениями, произрастание коих на определенных участках огорода не только нежелательно, но и вредно. Местные краеведы говорили, что издавна низменные места, частенько заливаемые водой, называли «сор», а деревня как раз в таком месте и находится. А некоторые краеведы в своих изысканиях заходили так далеко, что связывали местную речку с рекой Сорогой из былины о Чуриле Пленковиче.

Другим предметом гордости местных жителей были яблоки. Опять же легенда рассказывает, что давным-давно, в двадцатых годах прошлого столетия, в эту забытую всеми глушь были привезены экспериментальные саженцы яблонь, выведенных самим Мичуриным¹. И вот уже на протяжении мно-

---

¹ Мичурин Иван Владимирович – российский селекционер, создатель многих

гих лет местные жители добросовестно выращивают эти яблони и с удовольствием поедают выросшие на них плоды. И продают тоже. Вкусовые качества этих яблок якобы настолько высоки, что с ними не могут сравниться ни одни привозные. Ни кубинские, ни американские, ни болгарские, ни тем более молдавские. И даже более того, нигде в мире не выращивают подобный сорт яблок, поскольку он смог прижиться только в деревне Сорняки. Земля там какая-то необычная.

И все до последнего времени было благополучно, пока не объявился... оборотень.

Я вздохнул. Какая скука. Оборотень. Неужели нельзя было придумать чего-нибудь более интересного? Хорек-убийца, маньяк-филателист. Нет. Оборотень. Оборотень, и все тут. Как примитивна человеческая фантазия!

– Это к Буханкину, – сказал я. – Он обрадуется. Я по вервольфам не спец...

Тоска отвернулась.

– Наверняка бродячая собака, – сказал я. – У старушек буйная фантазия, в их возрасте это простительно. Скучно им, вот они и начинают придумывать. Телевизора посмотрят еще... Ну, ты же знаешь. Обратни встречаются так редко, что их пора в Красную книгу заносить.

– Тем лучше, – ответила Тоска. – С бродячей собакой легче справиться. С оборотнем мы, кажется, дела еще не имели?

Я таинственно промолчал.

– Так или иначе, будет интересно, – сказала Тоска. – А вдруг настоящий попадется?

– Вряд ли, – сказал я. – Но если попадется, я прибую его голову над монитором. У меня там как раз обои отклеились... И вообще, ты лучше не болтай без дела, рассказывай, что там дальше, я уже весь обратился в слух.

– Рассказываю. Оборотень уже успел напасть на двух старушек. Но они как-то особенно не пострадали. Одну в больницу с психическим припадком чуть не увезли, у другой тоже нервы на пределе. И наверно, нападет еще. Всем известно, что у бабушек слабое здоровье и напугать их ничего не стоит...

– Погоди, погоди, ты говоришь, что там яблоч много растет?

– Ну да. Там раньше колхоз даже яблочный был. «Ленинский путь» назывался.

– Какой еще «путь»? «Ленинский путь», наверно?

– Ну да, «Ленинский путь». Они эти яблоки даже в Кремль поставляли, к правительственному столу. Повышенной сочности. Говорят, сам Брежнев...

– Надо ехать, – перебил ее я. – Теряем зря время.

Это я прямо тут решил. Последняя неделя августа – пусть она пройдет весело.

– Куда ехать?

– Куда-куда, в Лопухи твои.

– В Сорняки, – поправила Тоска.

– Не вижу разницы. Так или иначе – в городе нам с этой загадкой не разобраться. Двигаем. У тебя деньги есть?

– Ну...

– Ты тоже жадина. Твою бабушку терроризирует ликантроп², а тебе жалко какой-то ничтожной тысячи рублей! Ну, может, двух от силы. За рассказ о твоих приключениях ты выручишь гораздо больше. Кстати, когда мы будем лицезреть-таки первую книгу?

Тоска не ответила.

– Поедем сегодня, а? – предложил я. – Чего дожидаться-то? Душа просит отдохновения. Простые русские просторы...

– Сегодня так сегодня, – Тоска поднялась со скамейки. – Поезд в восемь вечера.

– В двадцать ноль-ноль. В нашем деле важна точность, не забывай...

Я хотел еще сказать о точности, но Тоска уже убежала вдоль по аллее. Девчонки так нетерпеливы, просто не могу.

Я же не спешил. Времени на сборы оставалось еще много, а спешка полезна лишь при списывании контрольных по алгебре. Поэтому я вернулся домой, плотно пообедал, принял ванну, прочитал газету и приступил к подготовке.

О том – пустят меня родители или не пустят, я даже не думал. Тоном, не терпящим возражений, я просто поставил родителей перед фактом своего отъезда.

---

² Ликантроп – оборотень.

Мама отреагировала довольно предсказуемо: «Сынок, не опоздай к началу занятий, уроки пропускать нельзя».

Папаша показал кулак, что означало: «Сынок, я в тебя верю, ты не уронишь честь фамилии ниже уровня плинтуса».

– Все будет тип-топ, – пообещал я. – Привезу вам яблок и брусники, сварим варенье.

Вещей я взял немного. Одежда, томагавк в чехле, спальник, деньги. Это я специально Тоске про деньги нагнал, пускай растрясется немного. Денег у меня было. Я свернул купюры в трубочку, спрятал за подкладку куртки, попрощался с предками и побежал на вокзал.

Охота на оборотня началась. Буханкин, сдохни от зависти.

Глава 2

ЖЕЛЕЗНЫЕ ЗУБЫ

Я шагнул в пахнущую сеном тишину.

Добирались долго, почти сутки. Поезд, попутка, лодка, попутка, пешедрал, пешедрал, деревня Сорняки. Прибыли. Деревня как деревня, я таких кучу целую по телику видал. Только тихо очень. Собак и тех не слышно.

Тишина давила.

– Сорняки – не то название, – сказал я. – Этой деревне гораздо больше подошло бы чего-нибудь этакое... Мертво-головка, Дэд Энд, Инферналино. Что-нибудь стивенкинговское. А вот еще лучше Волчья Тишина. Как раз в тему.

Тоска не ответила.

Дом бабушки Тоски оказался совершенно обычным. Маленькое аккуратное строенье с резными наличниками. Палисад, калитка, колодец. Все как полагается.

– Здесь всегда так по вечерам? – спросил я Тоску, когда мы отпирали калитку. – Как-то напряженно... И ощущение такое, что за тобой подглядывают из всех домов.

– Не всегда, – скупо ответила Тоска. – Заходи давай.

Тоска еще долго запирала калитку, хотя зачем, было непонятно – через невысокий палисадник мог легко перемахнуть даже инвалид Первой мировой войны. Вообще вокруг было

спокойно, если бы не эта тишина...

Короче, я почувствовал себя гораздо спокойнее только после того, как входная дверь бабушкиного дома заботливо за нами закрылась. Мы поднялись по ступенькам, миновали еще одну дверь, потоньше да попроще, и попали в дом.

Своих бабушек я не помню. К сожалению, в живых не застал. А Тонькина бабушка мне понравилась сразу. Худенькая, невысокая, с приятным голосом, в платке. Она улыбалась и говорила как-то нараспев.

– Мои дорогие приехали, а я уж заждалась, – бабушка по очереди обняла нас и поцеловала. – Давайте проходите, раздевайтесь, будем ужинать.

Меня бабушка поцеловала как собственного внука. Это меня удивило, но понравилось.

– Это моя бабушка Надя, – сказала Тоска, обращаясь ко мне. – Бабушка, а это мой друг Феликс.

– Да знаю, как не знать, весь месяц про него рассказывала, – весело отозвалась бабушка, расставляя на столе посуду.

– Бабушка, – с нажимом произнесла Тоска, – ну что такое говоришь!

Я почувствовал, что Тоске стало неловко, и предпочел сделать вид, будто этого совсем не заметил.

– У нас Феликсов еще не было, – говорила бабушка. – Был один Филимон, да и то давно, после войны сразу. На хлебозаводе работал. Однажды напился и сунул руку в мешалку, все пять пальцев оторвало. А он даже не почувствовал тол-

ком, руку перемотал и спать лег. А назавтра эти пальцы в буханках находили. И слух сразу пошел, что на хлебозаводе булки из людей пекут.

Бабушка рассмеялась. И через морщины и старость лет я почему-то узнал Тоску.

– А куда можно положить вещи? – поинтересовался я.

– А вот сюда, – и бабушка проводила меня в смежную комнату, – вот твоя постель, белье чистое заправила.

– Ему, бабушка, постель не понадобится, он у нас на полу привык спать, в спальном мешке, – вмешалась в разговор Тоска.

Бабушка с удивлением посмотрела на меня.

– Да, это горькая правда, – я извлек свою постель и расстелил на полу.

Бабушка покачала головой и пригласила нас к столу.

Отужинали мы на славу. Мне даже показалось, что так вкусно меня еще никто не кормил. Хотя еда была самая простая: картошка вареная, салат из помидоров со сметаной и яблоки. Яблоки на самом деле оказались изумительными. Магазинные яблоки по сравнению с ними имели синтетический вкус.

– Это еще прошлогодние, – сказала Тоска. – В этом году еще не собирали.

– Яблоки ничего, – согласился я. – Если прошлогодние такие... Интересно было бы попробовать свежие.

– Попробуешь еще. А пока надо все разузнать.

Тоска повернулась к бабушке:

– Ну что здесь нового произошло? Оборотень не объявлялся?

– Объявлялся, – со вздохом ответила баба Надя, – он теперь долго не успокоится, маньяк-то этот. Проклятый, теперь Никитичну напугал, соседку мою! Она даже заикаться начала.

Баба Надя вздохнула. Я подумал, что простота простотой, а слово «маньяк» бабушке известно. Неумолимый прогресс дошел до самых отдаленных уголков нашей Родины.

Бабушка продолжала:

– Я как крик услышала, из дому выскочила, схватила первое, что попало под руку. Кочергу вроде бы... Побежала к соседке. Калитка настежь открыта, двери тоже, свет во всех комнатах горит. Никитична моя в углу под иконами сидит и крестится. Я ее потом всю ночь корвалолом отпаивала. Весь пузырек ей споила. А наутро она как заблажит: не хочу, мол, тут оставаться. Побежала в соседнюю деревню, вызвала «Скорую». Ее и увезли. Теперь Никитична в районе лежит. Сказали, что месяц будет лежать, не меньше.

– Может, собаки испугалась? – спросил я. – Или волка? Здесь ведь глушь, волки должны водиться?

– Двадцать лет ни одного волка не видно было. Митрофаныч, это охотник наш, последнего да-авно подстрелил. А как подстрелил, так и не было тут волков. Собаки есть, но уж собаку от волка отличить у нас сможет каждый. Даже Ру-

касовы на что дураки, а и то, наверное, смогут. Никитична говорит, что это к ней маньяк приходил. Это она за своих пращуров расплачивается, вредные они были, насмешники, сплетники.

Бабушка быстро перекрестилась.

– Маньяк, значит, – покачал головой я.

Мне стало ясно, что слово «маньяк» для бабы Нади обозначает всех вредных существ. Обратней, вампиров, жуликов, работников Пенсионного фонда.

Я достал свой комп. Комп у меня навороченный, не знаю, говорил это или нет. Помимо всяких разных полезных вещей, о которых, возможно, пойдет речь ниже, в компьютер встроен диктофон. Двадцать два часа непрерывной записи. Удобно.

– Рассказывай, бабушка, – сказала Тоска. – А мы запишем пока.

– В газету понесете? – осведомилась бабушка.

– Книгу напишем, – ответила Тоска. – Нам в школе задали собирать разные былины...

– Книгу это хорошо. Книга это интересно... Ну так, значит, вот. Как раз перед империалистической войной дело это было. Жил в нашей деревне один кузнец. Мастер – золотые руки. Что хочешь мог сделать. Дар у него был. Однажды взял и сделал он железного соловья. Так тот соловей не только песни пел, но даже прыгал с одной железной веточки на другую. И все у этого кузнеца было, хорошо жил, богато. И неве-

сту он себе нашел – первую красавицу на деревне...

Ну, это уж как водится, подумал я. Кузнец – золотые руки, девица – первая красавица. Не хватает негодяя.

– И наметили они свадьбу уже, на осень, как раз после ярмарки. А до ярмарки надо было работать. Кузнец и работал. Ему купцы, не знаю откуда, из-под Макарьева откуда-то, большой заказ дали. И денег обещали заплатить тьму-тьмушную. Кузнец весь день и работает, кует железо, а иногда еще и ночью кует. А братья его завидовать ему стали – что это, мол, он так много денег получит, а мы что? Люди такие завистливые ведь, страсть просто. И вот стали братья кузнецу нашептывать, что, мол, не все у тебя в порядке с невестой. Засматривается на нее барин, да и сама она к нему тоже, мол, равнодушна...

А вот и негодяй. Вернее, негодяи. Братья-негодяи, подумал я. Завистливые жадные поселяне.

Баба Надя продолжала рассказ:

– Кузнец стал мрачнеть и мрачнеть. А посмотреть, чем там невеста на самом деле занимается, нельзя – работы много. Но ничего, как-то справился. И к ярмарке заказ выполнил. Погрузил все на телеги, поехал на ярмарку купцам сдавать. А невеста осталась его ждать. Купцам товар понравился, оценили его хорошо, дали много денег, даже больше, чем кузнец ожидал. И вот кузнец решил немножко погулять, отвести, так сказать, душу после трудов. Купил он вина, купил баранок, сметков две корзины, пьет, ест, веселится. А куп-

цы, что рядом с ним гуляли, давай к нему приставать. Что, говорят, кузнец, ты можешь выковать? Все, отвечает кузнец. Все могу выковать, что только есть в этом мире. А что, спрашивают купцы, можешь ли ты выковать железного человека? Чтобы ходил, работал и разговаривал? Нет, отвечает кузнец. Человека не могу. А вот собаку или другого какого зверя – могу. И будет он бегать, будет прыгать. И брехать будет – коли прикажут. Купцы смеются, вина кузнецу подливают. Долго ведь работать придется над такой собакой, говорят, поди, целый год, а то и два. А кузнец совсем распьянел, смеется: какой год, какие два, говорит, за ночь скую железную собаку.

Бабушка зачерпнула из ведра воды, промочила горло.

– И вот стали его подзуживать другие купцы – не скуешь, говорят, железную собаку за ночь, нельзя такое сковать. Скую, отвечает кузнец. Завтра будет здесь железная собака. Стали они об заклад биться. И поставил кузнец все, что заработал. Взял железо, взял инструменты и пошел в кузнию к тамошнему ковалю. Закрылся там и давай молотками стучать. Всю ночь стучал, и утром стучал, а как взошло солнце, так купцы и пошли посмотреть, что у него получилось. Кузнец лежал возле горна и спал. Механическую собаку он не смог сделать, успел сделать только железные зубы.

Бабушка показала руками, какие именно зубы он смог сделать. Видимо, это были железные челюсти.

– Зубы эти щелкали как живые, купцы даже их испугались. Но потом вспомнили про спор, разбудили кузнеца и

потребовали деньги. Кузнецу делать нечего было, деньги он отдал. И поехал к себе в село без денег, безо всего, только с этими железными зубами, хотя ярмарка еще должна была идти целую неделю. Приехал к себе, бросил зубы на полку. Приходят братья, спрашивают: как съездил, кузнец, много ли денег заработал, много ли бус своей невесте купил? Кузнец не отвечает, молчит, весь в печали. А братья и смеются: к барину твоя невеста ушла, с ним теперь будет жить. Он побежал к невесте, а ворота заперты, нет никого. И тогда он проклял и себя, и всех, и от бога отказался.

Бабушка перекрестилась снова.

– И так была сильна его ярость, что дошла она до самой этой...

Бабушка забыла, до чего дошла ярость.

– Ну, до этой, – она указывала пальцем в пол, – туда дошла...

– До геенны огненной, – помог я.

– Точно! До геенны. И поднялся из геенны сам Сатана, к нему, к кузнецу, пришел и сказал: «Отдай душу, а я тебе выполню желание любое. Хочешь королем стать, хочешь купцом богатым, кем хочешь, тем тебя и сделаю». А ярость в кузнеце так и кипит, так и брызжет. Не хочу, говорит, быть ни купцом, ни королем, никем не хочу. Хочу барину отомстить, который невесту у меня увел, как это сделать? Посмеялся нечистый, взял с полки зубы железные да и говорит: «Вставь эти зубы и иди к обидчику». Схватил кузнец зубы да

и вставил себе. И почуял он, что что-то с ним неладно. Посмотрел он в зеркало, а там вместо человека зверь, обличьем похожий на волка. Зарычал волк и побежал к барину.

– Не надо дальше, – попросила Тоска. – И так все понятно, что там было.

– Понятно? – спросила баба Надя.

– Понятно, – кивнул я. – Все понятно. Расправу над барским семейством вполне можно опустить.

– Ну, как знаете, – вздохнула баба Надя.

И я подумал, что это, наверное, была самая любимая ею часть истории.

– Тогда расскажу, что было в конце... Прибежал кузнец домой, сел на лавку. Весь в крови перепачкан, а сам довольный. Стал зубы вынимать, а они и не вынимаются. Приросли. И так кузнец и сяк – никак не получается. Стал навсегда волком. Завыл он тогда, заплакал горько. А тут невеста его, как назло, приехала, идет к нему в дом, улыбается. Где ты, говорит, мой любый. Я с батюшкой в город ездила, ленты к нашей свадьбе выбирать. Понял тогда кузнец, что обманули его братья, возвели и на невесту, и на барина напраслину. И понял, какой грех на нем. Выпрыгнул он в окно, чтобы невеста его не видела таким страшным. Убежал в лес. И стал жить в лесу в берлоге. И скоро не стало в том лесу ни зверей, ни птиц. Зверей кузнец всех порвал в своей злобе железными зубами, а птицы улетели, испугавшись, а невеста погрузила-погрустила, да вышла замуж за другого. Свадьба была

пышная, с музыкой, две недели гуляли. И зверь, в которого кузнец уже совсем превратился, услышал эту музыку и пришел из леса поглядеть. Люди как увидели его, так закричали и разбежались, поскольку он был очень, очень страшен. А некоторые даже упали замертво. И так страшно стало зверю, что пошел он тогда к барской усадьбе и прыгнул в пруд. И железные челюсти потащили его на дно.

Бабушка Надя замолчала, набирая воздуха. Я почувствовал, как по левой руке поползли крупные мурашки. История пробирала.

– А дальше что? – спросила Тоска.

– Дальше? Дальше вот что было. Прошлым летом стали тот пруд осушать. Один «новый русский» человек из города купил усадьбу, хотел себе ее отстроить и перед другими хвалиться. Стал пруд осушать, рабочих нагнал, вот и наткнулись на дне на эти железные зубы...

– Это достоверный факт?

Вообще-то я почти никогда не перебиваю взрослых, но в данном случае это было сделать просто необходимо.

– Точно нашли эти железные зубы? – спросил я.

– Я сама, конечно, не видела, – сказала баба Надя, – но говорят, что нашли. Прямо на дне пруда. А как нашли их, так все местные мужики, что у «нового русского» работали, сразу поразбежались, ни за какие деньги больше не хотели работать. Он привез каких-то турок, что ли, они вновь взялись за усадьбу, но через три дня все сгорели. Прямо во сне.

С вагончиком. Тогда «новый русский» бросил все и уехал. Так усадьба и стоит. А пруд снова водой и илом затянуло, так что там теперь ничего и не узнаешь.

– И все? – поежилась Тоска.

– Не все, – скорбно покачала головой бабушка. – Пруд хоть и затянуло, но дух кузнеца уже потревожили. Вот он и отправился бродить по округе. И в маньяка вселился. Теперь как жить?

– Не волнуйся, бабушка, – сказала Тоска. – Все образуется.

– Точно, – подтвердил я. – Все, конечно, образуется.

Лично мне эта история не показалась правдоподобной. Сказки все это. В каждой деревне полно подобных баек. Легенда. Эта, кстати, довольно оригинальная, раньше я вроде ничего подобного не встречал. К тому же в истории содержалось откровенно нелогичное звено. Баба Надя сказала, что история эта произошла с пращуром ее соседки Никитичны. А если он не женился, да еще и утопился в барском пруду, какой он тогда пращур? Какое тогда родовое проклятие?

– А у Никитичны что-нибудь пропало? – спросила Тоска.

– Вроде как нет, – ответила баба Надя. – Да и что маньяку нужно?

– Это точно, – сказал я.

Баба Надя перекрестилась в очередной раз, собрала посуду и понесла ее мыть к умывальнику. Тоска, воспользовавшись отсутствием бабушки, бережно достала из кармана

блокнотик и помахала у меня перед носом.

– Здесь я делаю все необходимые записи, – шепотом пояснила она. – Компьютер, это, конечно, хорошо, но про старые способы тоже забывать не следует.

Тоска открыла чистую страничку и написала: «Никитична, жертва № 3. Ничего не пропало. Лежит в больнице».

Я показал Тоске большой палец и кивнул в знак одобрения. Пусть пишет. Ведение записей дисциплинирует мозг, это давно подметили великие люди.

– Пойду выйду, воздухом подышу перед сном, – сказал я. – Проветрюсь.

– Далеко не ходи, мало ли чего, – отозвалась из-за умиральника бабушка.

– Я на крыльцо только, – ответил я.

Тоска с бабушкой стали болтать о каких-то родственниках, Тонькиных родителях и ценах на хлеб, масло и томатную пасту.

На улице стало прохладно. А может, просто казалось после теплой избы. Дышать было легко и приятно, не то что в городе. Воздух казался наполненным яблочным ароматом и почему-то запахом винограда. Вкусно пахло, хоть в бутылки закатывай. На небе каким-то уж очень искусственным светом светила луна.

Полнолуние скоро, про себя отметил я. Удачненько приехали. Впрочем, все что ни делается, все к лучшему. Такая вроде пословица.

Скрипнула дверь, появилась Тоска.

– Ну, что скажешь? – спросила она.

– Забавная история, – я зевнул. – Интересно для любителей фольклора. Я такую сказку пока не встречал. А ты что, раньше ее не слышала?

– Не, бабушка не рассказывала. Ты думаешь, что это неправда?

Я пожал плечами.

– Во всей этой истории содержится довольно серьезное противоречие, – сказал я.

– Какое?

– А ты не чувствуешь?

Тоска задумалась.

– Не чувствую, – сказала она через минуту.

Неудивительно, подумал я. Ведь женщины гораздо выносливее мужчин. За счет чего-то эта выносливость должна образовываться? За счет чего? Правильно. За счет логического мышления.

– Бабушка говорит, что этот кузнец был родственником ее соседки Никитичны. А между тем, что в легенде говорится?

– Что?

– Что кузнец увидел свадьбу собственной невесты и утопился. Значит, у него не осталось детей.

– Ну, – протянула Тоска. – Так бабушка же не говорила, что Никитична – его правнучка. Помнишь, там ведь братья кузнеца настраивали. А Никитична вполне может прихо-

диться кузнецу... ну, внучатой племянницей. Вот и проклятие.

Я отрицательно помотал головой. Сказал:

– Проклятие распространяется только по нисходящей линии. То есть от родителей к детям. Нельзя проклясть даже родного брата или сестру. Не говоря уже о братьях двоюродных-троюродных. Так что дефект в истории есть.

– Тебе бы, Куропяткин, в ЦРУ работать, – надулась Тоска. – Все ты отрицаешь, все ты опровергаешь...

– Не все, а лишь факты, откровенно не укладывающиеся в здравый смысл. Здравый смысл говорит, что такие истории... Возможно, они имеют под собой рациональное зерно, но скорей всего это так называемые былички...

– А кто же тогда нападает на старушек?

– Не знаю. Но мне не хотелось бы, чтобы эта история была правдой. Встречаться с таким... с таким существом совершенно не хочется.

– Конечно, не хочется. Но другого пути нет. Надо нам все тут хорошенько выяснить.

– Это уж само...

Я остановился на полуслове. Потому что в тишине, разлитой над глухой деревней Сорняки, послышался долгий тоскливый вой.

Волчий.

Глава 3

УЛИЦА ФАДЕЕВА

На следующее утро баба Надя разбудила нас довольно рано и отправила за молоком. Тоска сказала, что бабушка считала большим грехом залеживаться по утрам. «Кто рано встает, тому бог подает» – так обычно говорила бабушка.

– А зачем за молоком-то идти? – не понял я.

– Деревенская специфика, – ответила Тоска. – Вставай. Или полью тебя водичкой.

– Не надо фамильярностей, мы с тобой вместе лягушками не перекусывали.

Тем не менее я поднялся, умыл физию, почистил зубы и был готов. Дурацкая татуировка с плеча не сошла. Даже как-то въелась, что совершенно мне не понравилось. Я попробовал потереть ее возле колодца песком. Бесполезно.

– Молоко у старого магазина, – напомнила бабушка.

Мы взяли чистую тару на замену и побрели к магазину, возле которого и происходила торговля. Молоко привозили из соседнего села фермеры и продавали прямо с машины в трехлитровых банках. Каменный век, кремневые топоры.

И тащиться надо через всю деревню. По улице Фадеева.

Впрочем, такая прогулка была полезной с практической точки зрения. Осмотр окрестностей – неотъемлемая и важ-

ная часть всякого расследования.

Вот я и осматривал.

Ничего особенного не наблюдалось. Деревня как деревня, обычные дома, обычные постройки. Большая часть домов заколочена, нежилые, значит.

– Кстати, – спросил я, когда мы прошли почти половину поселения, – вчера, насколько я понял, так сильно пахли здешние яблоки?

– Это из сада, – Тоска махнула рукой куда-то вбок. – Там еще деревья остались. А раньше сад вообще был повсюду. Куда ни пойдешь – везде сад, везде яблоки... А теперь мало...

Показался магазин.

– Видно, молока еще нету, не подвезли... – сказала Тоска.

– Слышь, Тоска, а чего пиплов-то так много? Вроде ты говорила, тут одни бабульки проживают, да и тех полторы штуки?

– Это из соседних деревень люди. Тут еще осталось несколько. К тому же народ на лето приезжает погостить, потом обратно в город уматывает. А в Сорняках, типа, центр молочной торговли. Место просто удобное.

– Понятно, – сказал я. – Пойдем, послушаем местные сплетни.

Я сделал лицо кирпичом и направился к скоплению. Очередь не обратила на нас никакого внимания, мы устроились на ржавом тракторном двигателе и стали слушать.

Местные, в основном дедки и бабки, говорили о наболевшем. О пенсии, о ее ничтожности. Старая песня. Жалко их.

Поговорив о пенсии, народ переключился на фермеров и обрушил на них свой заочный праведный гнев. Оказывается, фермеры частенько запаздывали с молоком, а иногда и вообще вчерашнее продавали. За что сейчас они были изруганы с душой и искренним усердием.

Третьим пунктом обсуждения шло то, что нужно.

– Вчера-то в Филисове деда утащили.

– Куда?

– Куда-куда, туда. Андрей Андреич, знаете его?

– Ну...

– Вышел в огород, а тут чудище. Схватило его и утащило.

Даже пикнуть не успел.

– Да нет никакого чудища, выдумки все это.

– Как же, нет. Еще какое есть! Давно говорили, что чудище появится. Предрекали...

– Одна старушка из Коткишева видела, как оборотень из лесу наблюдает за их деревней. Жертву подыскивает.

– Да он в лес пошел просто. Этот Андрей Андреич всегда в лес на три дня ходит. Грузди солит и сразу ест, солит и сразу ест. Все про это знают...

– Вы бы бросали слухи распространять. У нас вся округа только на городских и живет. Детишек они сюда на отдых привозят, а вы тут про вурдалаков каких-то рассказываете! Кто будет молоко покупать, кто будет ягоды покупать и гри-

бы? На что жить будем? Завязывайте вы с этим, ум-то надо иметь, в конце-концов?!

– И есть одно верное средство. Надо взять перец с солью, смешать с...

С чем именно надо смешать перец и соль, я так и не узнал, поскольку на улице показался фермерский грузовик с молоком.

Фермеры оказались мрачными бородатыми мужиками, совсем такими, как их показывают в кино. Довольно страшными. Я бы в пинг-понг с ними играть не стал. Они быстро и сердито продавали молоко, обсчитывали пенсионеров, ругались. Но я заметил кое-что интересное. Фермеры были вооружены. Помповыми ружьями. И даже с лазерными прицелами.

Обстановка в округе и в самом деле была напряженная.

– У бабы Нади ружье есть? – спросил я Тоску шепотом.

– Не знаю... У дедушки, наверное, было...

– Надо выяснить. Но вряд ли есть, если дед был охотником, то ружье вполне могли и изъять. Надо выяснить. Очередь подходит.

Купив свою банку молока, мы отправились в обратный путь. Шли себе, никого не трогали. Примерно на середине дороги нам встретились два молодых человека дебильной наружности. Они направлялись совсем в другую сторону, но, завидев нас, остановились. Бежать было глупо, хотя намерения этих типов ясно читались по их наглому виду.

Будут цепляться, подумал я. Цепляться к городским – таков древний, освященный веками деревенский обычай.

К сожалению, я не ошибся.

Типы ухмылялись и хихикали. Два здоровенных лба. Ну, хоть бы один был чуть поменьше или похилее, так нет – оба просто богатыри какие-то. Возращены на молоке и экологически чистой редиске.

– Вы только посмотрите, Антонина себе кавалера выписала из города, – глумливым голосом произнес тот, что стоял справа.

– Молочком решила его попотчевать, – отозвался тот, что слева. – А то у него чахотка, наверное...

– Гы-гы-гы. Га-га-га.

Это они так засмеялись.

– Ты бы хоть предупреждала, что у тебя здесь поклонники водятся, – шепнул я Тоске. – А то ставишь меня в неловкое положение. Который из них избранник сердца?

Тоска предпочла не заметить мою подколку. Я прикинул, велик ли шанс заделаться валенками, потихонечку обойти аборигенов с фланга и укрыться под дружественными сводами бабушкиного дома. Шанс, пожалуй, имелся...

Но не получилось. А все из-за Тоски.

– Познакомься, Феликс, перед тобой две местные достопримечательности, – с вызовом сказала Тоска. – Вернее, одна. Называется Тянитолкай³. А по отдельности Рукасов и

---

³ Тянитолкай – олень с двумя головами, персонаж сказки «Доктор Айболит»

Мобила.

Местные переглянулись.

– Мобила тот, что слева, – Тоска указала мизинцем, – вечно с мобильником ходит. Вернее, с корпусом от мобильника, купил за полтинник у вьетнамцев. Старики в технике плохо разбираются, Мобила у них в авторитете...

Мобила насупился. Напрасно Тоска так сразу на конфликт нарываться стала, может быть, удалось бы миром разругать. Впрочем, ей виднее.

– У меня он настоящий, – обиженно сказал Мобила. – Могу показать.

– Покажи своей маме, – огрызнулась Тоска.

Мобила скрипнул зубами. Тоска продолжила:

– Тот, что справа, – это Рукасов. Рукасов это фамилия...

Впрочем, и кличка тоже. Удивительный пример совпадения формы и содержания. Лично я, когда слышу слово «Рукасов», хочу жизнерадостно смеяться.

И Тоска засмеялась. Но совсем не жизнерадостно.

Реакция двух типов последовала незамедлительно.

– Молчала бы, метелка, – сказал Рукасов.

– А то мы сейчас вам такой тянитолкай устроим, что мало не покажется! – рявкнул Мобила.

Он быстро шагнул в мою сторону. Я думал, что сразу в морду бить будет, но Мобила оказался оригиналом. Он рывком выдернул банку с молоком у меня из рук, а самого меня

оттолкнул в сторону.

– Всяким Феликсам будет полезнее дома посидеть и тараканов помучить, а не здесь шататься, – сказал Мобила. – Пока мы только предупреждаем.

Он гадко улыбнулся и стал жадно пить из банки. Я поглядел на Тоску. Она отрицательно помотала головой.

– Нет ничего приятнее с утра выпить литр, другой молока, – заявил Мобила, напившись, – но мы сегодня не жадные, много пить не будем, надо и бледненькому Феликсу молочка оставить. Пусть котеночек плакает!

– Пусть плакает, – согласился Рукасов и заржал.

Меня эта выходка очень разозлила. Молока на таких уродцев не напасешься.

– Поставь банку на землю, – сказал я. – Иначе будешь строго наказан. Оба будете строго наказаны.

– Смотри, а Феликс-то шипеть умеет, – Рукасов сделал театрально испуганные глаза, – а может, у тебя, Феликс, и коготки есть? Царапка какой!

Теперь глупо заржал Мобила.

Тут не выдержала Тоска.

– Тебе же сказали, оставь банку в покое, – с яростью сказала она и выхватила молоко из рук Мобилы.

И добавила:

– Баран.

Эти двое несколько оторопели, такого поворота событий они, видимо, не ожидали. Поэтому я решил воспользоваться

появившейся возможностью и напасть на них первым. Они конечно сильнее меня и их двое, но фактор внезапности – оружие достаточно мощное.

Я шагнул навстречу. И треснул обоих сразу. В носопырки. Правой и левой. Несильно, но быстро.

Мобила и Рукасов дружно ойкнули и схватились за шнобели. Не теряя времени, я ткнул сперва одному, затем другому в солнечное сплетение.

Местные злодейчики согнулись пополам. Я толкнул их. Они упали.

Я был удивлен.

Тоска поглядела на меня с интересом.

– Получили? – спросила она. – Сунетесь еще, еще получите!

Рукасов и Мобила поднялись с земли.

– Что вы там говорили про царапку? – я шагнул к негодяям. – Молочко, говорите, любите?

Рукасов и Мобила отошли подальше от нас.

– За нас отомстят, на днях ждите гостей, – прокричал Рукасов, отойдя еще на более приличное расстояние.

– Я знаю, чуваки, – крикнул я им. – У вас есть брат-дзюдоист, он нанесет мне телесные повреждения.

Мобила погрозил мне кулаком, а Рукасов кинул в меня камешком, попал в ногу, зараза. После чего злодеи удалились.

– Кстати, насчет брата-дзюдоиста, – осведомился я. – Это

может быть правдой?

– Нет, – заверила меня Тоска. – У Рукасова есть старший брат, но он такой недоумок, что его даже из дому не выпускают.

– А еще? Есть тут еще какие-нибудь злобные недоросли?

– Нету. Есть один мелкий в соседнем селе, Ванька Китов, но он нормальный.

– Вот и славно. Давай к дому двигать.

Оставшуюся часть пути до бабушкиного дома мы прошли в молчании.

Баба Надя встретила нас на улице, возле дома. Она торопилась к своей подружке Захаровне – той бабушке, на которую напал оборотень в самый первый раз.

И, конечно же, мы напросились в компанию.

Глава 4

БАБУШКА И ВОЛК

Дом Захаровны находился недалеко от совхозного сада, поэтому дошли мы быстро. Бабушка Тоски отодвинула тайную досочку в заборе и просунула туда руку. Она долго копалась с каким-то замысловатым затвором, приговаривая: «Вот окаянный, что наделал». Наконец калитка была открыта.

– Ну и забаррикадировалась, – фыркнула Тоска, – это она от оборотня так закрылась?

– А от кого еще? У нас отродясь калитки не закрывались, – ответила бабушка. – Даже во время голода.

Мы миновали небольшой двор и вошли в дом. В сенях на полу валялись сразу три топора. На кухне беспорядок. Из здоровенной русской печки просыпалась зола. На полу опрокинутый чугунок, варенная в мундирах картошка раскатилась по полу. Интересно. Я никогда в жизни не видел русских печей, не видел чугунов, вот теперь повезло. Я огляделся в поисках легендарного ухвата, но ухвата на кухне не обнаружилось. Ухват обнаружился в комнате. Захаровна лежала на кровати и плакала, а ухват стоял у стены, под рукой. Это, значит, чтобы в случае чего оказать всевозможное активное сопротивление.

– Привет, Захаровна, – бодрым голосом сказала баба Надя. – Чего плачешь-то?

– Опять чего-то случилось? – деловито спросила Тоска. Захаровна издала отрицательный звук.

Баба Надя присела на табуретку и принялась ее успокаивать:

– Ну что ты... Ладно уж... Будет тебе. Ну что ты совсем расклеилась...

После пятнадцати минут успокаивания и двух стаканов валерьянки Захаровна пришла в более-менее нормальное состояние.

– Поверишь, нет, Надежда, боюсь в огород днем выйти, – всхлипывала она. – Все топоры собрала. Позвоню своему сыну, пусть ко мне приезжает с ружьем. Так и скажу, если ты мне сын – приезжай и живи со мной. Куда я огород брошу? Я не Никитична, в больницу не поеду. Лучше к сыну, в город...

– Ну, что удумала? – баба Надя хлопнула ладошками по коленям. – Как он приедет, он же у тебя на такой ответственной должности! Если боишься, лучше на самом деле поезжай к нему сама. А я за огородом присмотрю. Мне внука с ее другом помогут.

Бабушка Надя обернулась в нашу сторону, и мы согласно кивнули.

– Ладно, пойду хоть чай поставлю, я тебе тут хлеба и заварки принесла, – сказала баба Надя и отправилась ставить чайник.

– Я самовар люблю, – сказала Захаровна.

– Знаю, – не оборачиваясь ответила баба Надя.

Она вышла в сени и затюкала топориком.

Тоска решила даром времени не терять. Она подсела к старушке и заговорщицким голосом спросила:

– А правда, что он к вам ночью приходил?

Захаровна вздрогнула. Я толкнул Тоску в бок локтем. Не следовало так круто начинать.

– Да, приходил, страшно вспомнить, – ответила Захаровна, сморкаясь в какую-то тряпку, – я только уснула, таблеток напилась, и тут этот.

Захаровна всхлипнула. Я принялся заготовливать третий стакан с валерьянкой.

– Вы рассказывайте, – продолжала Тоска. – Рассказывайте. Нам очень интересно.

Я осторожно достал диктофон, нажал на кнопку «запись».

– Лежу это я, таблеток выпила, вдруг слышу шаги. Сначала думала, что это мыши. У меня в стенах мыши – как темно становится, так они начинают бегать. Туда-сюда, туда-сюда, даже уши закладывает. А потом я и думаю: мыши, они ведь совсем не так бегают. Они бегают быстро так – топ-топ-топ, топ-топ-топ, а эти шаги другие – топ-топ, топ-топ, как будто кто-то тяжелый шагает. Ну, думаю, кого еще принесло? Сначала думала, это Митрофаныч, он ко мне иногда заглядывает...

– Зачем? – перебила Тоска.

– Как зачем... радио послушать. У меня приемник трех-программный, а у него обычный. А телевизор он не любит смотреть, у него от телевизора глаза болят...

– Дальше рассказывайте, – попросила Тоска.

– Ну да, рассказываю, рассказываю. Он приходит радио смотреть, наоборот то есть, ну вот... Но только это был совсем не Митрофаныч.

– Почему вы так решили?

– Митрофаныч самосад курит, я его далеко слышу. А этот ничего не курил. Вот, значит, шаги эти идут и идут, и прямо в сени. И остановились. А я лежу. А они стоят и стоят, с места не двигаются. И долго так все это. Тут все у меня внутри задрожало. Думаю, сколько можно так вот лежать? Пойду, думаю, посмотрю, кто это. А вдруг Митрофаныч курить бросил? Подошла я к двери, так потихоньку открыла ее. А в сенях темно, потому что поздно уже. Я свет включила и выхожу. А тут он стоит.

– Стоит? – уточнил я.

– Стоит. Как собаки стоят, на всех ногах. Черный такой, большой. Больше собаки. Я как его увидела, так чуть и не умерла. Смотрит на меня, а глаза так и пылкают, так и пылкают.

Я непонимающе поглядел на Тоску.

– Сверкают, – перевела она.

– Точно, – кивнула Захаровна. – Сверкаются. Я на него гляжу, а он на меня, так и глядели... Уж не знаю, сколько гля-

дели. А потом я опомнилась и стала потихоньку-потихоньку назад в комнату возвращаться. Вернулась, легла на кровать, одеяло натянула, так и лежу, молитвы читаю. А дверь закрыть забыла! И сердце так дрожит, почти выпрыгивает. Тишина опять долго была, потом слышу – дверь заскрипела. Ну, думаю, все, за мной пришел.

Я внимательно слушал и осматривал при этом комнату. Ничего примечательного. Все скромненько и чистенько. Не скажешь, что совсем недавно тут безобразничал оборотень. Старушка рассказывала дальше:

– Я еще больше испугалась, лежу, темно. И вдруг он появился. А потом снова пропал! Был и пропал. Шорох какой-то, кровать зашевелилась. Я ничего понять не могу. И вдруг снова появился и снова пропал. А потом мою руку будто когтями царапнуло!

Захаровна продемонстрировала нам свою руку. Но на руке не было никаких следов, разве покраснение небольшое, как после расчеса.

– Я что-то не пойму, как это он появлялся и исчезал. Свет был включен? Горела лампа? – спросила Тоска.

Захаровна не смогла ответить.

– Я со страху одеялом накрылась да так и лежала, ничего не помню. Лежу и прислушиваюсь. Что делать, не знаю. Кричать боюсь, вставать с постели боюсь. Но потом все-таки встала и включила свет. Все комнаты обшарила, никого не нашла. На улицу выйти побоялась. Дверь заперла, да так и

просидела возле нее до утра, не смогла больше уснуть.

Захаровна со вздохом поднялась с дивана.

– Иди, чаю попей, что дурное вспоминать, – позвала Антонинина бабушка. – Самовар уже раздувается.

Я думал, что самовар кипит долго, а он, оказывается, быстро. Самовар-лайт. Мы вышли на кухню.

– А следы какие-нибудь остались? – не унималась Тоска.

– Тоня, оставь Захаровну в покое, не видишь, как ей плохо, – строго сказала бабушка.

– Ничего, пусть спрашивают, им ведь интересно, – Захаровна подседа к столу, – а я хоть выговорюсь. Ни следов, ни грязи, все чисто. Мне даже стало казаться, что он мне привиделся. А через день узнаю, что он еще и у бабки Оли был. Она сейчас тоже собирается к родственникам.

– А зубы были? – спросил я.

– Зубов было много. Весь-весь был в зубах.

– Нет, я не про обычные зубы говорю, а про железные. Железные зубы были?

– Не знаю, какие уж там зубы были, я ничего только так и не увидела...

– Чай давайте пить, железные зубы, – усмехнулась баба Надя.

Понятно, подумал я. Здесь больше ничего добиться не удастся. Я отключил запись.

– Захаровна, пей чай, остынет. И съешь чего-нибудь, – повторила баба Надя. – Вы тоже садитесь, сегодня толком так

ничего и не ели. А в этом возрасте есть надо, а то потом малокровие будет.

Но мы с Тоской отказались, сославшись на занятость, и поспешили уйти. Делать здесь было больше нечего.

Глава 5

ГОСПОДИН ИНКВИЗИТОР

– Что ты обо всем об этом думаешь? – спросила меня Госка уже на улице.

– Не знаю, по-моему, бред какой-то. То он появлялся, то он исчезал. Старушке все, что угодно, со страху может показаться. Лампочка у нее в сенях – двадцать пять ватт, ничего не видать. Ты обратила внимание, что она перед сном таблеток напилась? Он ей мог и вообще привидеться.

– Не мог же он сразу трем привидеться?

– Такие случаи бывали. Ты про эпидемии оборотничества слыхала?

– Ну, так. Что-то там в Средние века, кажется...

– Целым деревням начинало казаться, что они оборотни. Они вставали на четвереньки и шастали по лесам. Так вот. Кстати, ты заметила, что оборотень напал только на старушек? Хотя тут и дед-охотник какой-то живет, и эти два прикурка...

– Мобила не здесь живет, он за молоком просто приходил. И в гости к Рукасову.

– Я к чему клоню, – сказал я. – Нападения на старушек – довольно показательный факт.

– В чем же он показательный?

– Ты слыхала что-нибудь про Салемский процесс?

Тоска отрицательно помотала головой.

– Надо теоретически подковываться, старуха, – посетовал я. – На хромой козе энтузиазма мы далеко не уедем. Ты знаешь, к примеру, что все преступления уже имели место раньше? Ничто не ново под луной, все уже когда-то случилось...

– А при чем тут Салемский процесс?

– Это было в Америке, в самом конце семнадцатого века, в штате... кажется, Массачусетс. Так вот. Там одну мурену бросил ее хахаль, и она с большого расстройства взяла да и стукнула на новую подружку своего хахалья. Что та ведьма и летает ночью на метле пить кровь бургомистра. А та вломила другую свою подружку, а потом они там все просто взбесились и стали друг на друга стучать и друг друга закладывать. Целую кучу девок в результате перебили по обвинению в колдовстве. Вот так-то. Конечно, они не были ведьмами. Они были просто дурами. Психичками.

– Ты хочешь сказать, что мы имеем дело с массовым психозом? – поинтересовалась Тоска.

– Я же говорю, нападения на старушек показательный факт. Одной что-то привиделось, она рассказала другой, той понравилось... Ну и пошло-поехало. Надо искать. Ты, кстати, знаешь, что слово «инквизиция» переводится как «разыскание»?

– Ты что, хочешь тут инквизицию развести?

– Пока не знаю. Нельзя строить догадки без фактов.

– Может, это была все-таки собака? – сомневалась Тоска.

– Мало исходной информации, рано делать выводы. Поговорим с другими очевидцами, может, общая картина прояснится.

Тоска достала блокнот и сделала запись: «Захаровна, жертва № 1. Следов не обнаружено. Звериная морда появлялась, исчезала???»

– Вообще, конечно, странный случай, – сказал я. – Напал оборотень на бабушек? Напал. Спрашивается, зачем? Никакого кровопролития нет. Он что, напугать их просто решил? Он что, оборотень-вегетарианец?

Тоска ничего не сказала.

– Вообще, нам надо разработать план оперативно-розыскных мероприятий. Чтобы все у нас было по порядку, без излишних метаний.

– Ну, давай, разработай, – ухмыльнулась Тоска.

– Задача № 1. Первым делом нам надо определить... – сказал я, делая паузу после каждого слова, и внимательно поглядел на Тоску.

– Мне кажется, нам надо определить, настоящий оборотень или нет.

– Точно, – согласился я. – В общих чертах ты права. Надо определить врага. То есть субъект преступления. Какова же задача № 2?

Тоска почесала голову.

– Я говорил, теоретическая подготовка крайне важна. Что

лежит в основе любого преступления?

– Деньги, что ли? – предположила Тоска.

– А если не деньги, а месть? Если мальчика в детстве обижали хулиганы, а он вырос и сделался Джеком-потрошителем? Как это называется отдельным словом?

– Мотив?

– Умница, – похвалил я Тоску. – В основе любого преступления, кроме преступлений по неосторожности или преступлений вынужденных, лежит мотив. Для того чтобы найти преступника, то есть этого оборотня, надо понять мотив. Зачем он это делает?

– А вдруг он просто псих?

– Это тоже нельзя исключать. Ты говорила, у Рукасова старший брат псих?

– Псих, – подтвердила Тоска. – У них вообще все семейство психи. Кстати, родители у Рукасова сейчас на заработки подались, он один с братом живет.

– Психи тоже частенько шалят. Надо будет этого Рукасова навестить.

– Зачем?

– Посмотреть. Хотя... Не будем забегать вперед.

– Но ты не будешь отрицать, что оборотень, настоящий или ненастоящий, – он кто-то из жителей деревни? – спросила Тоска и достала свой блокнотик.

– Скорее всего, конечно, да. Сколько до ближайшего поселения?

– Семь километров. Лесом, правда, заметно короче.

– Вряд ли оборотень... будем называть его пока именно так, так вот, вряд ли оборотень стал бы носиться туда-сюда. Слишком идиотично. Логичнее предположить, что он местный. Но тогда ему нужен мотив... А то получается – жил-жил, а потом вдруг ни с того ни с сего взял да и начал на соседей кидаться? Мотив – с ума сошел?

Я огляделся. Сходить с ума в деревне Сорняки было решительно не из-за чего. Хотя кто его знает. В таких деревеньках вполне может скрываться мировое зло. Запросто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.